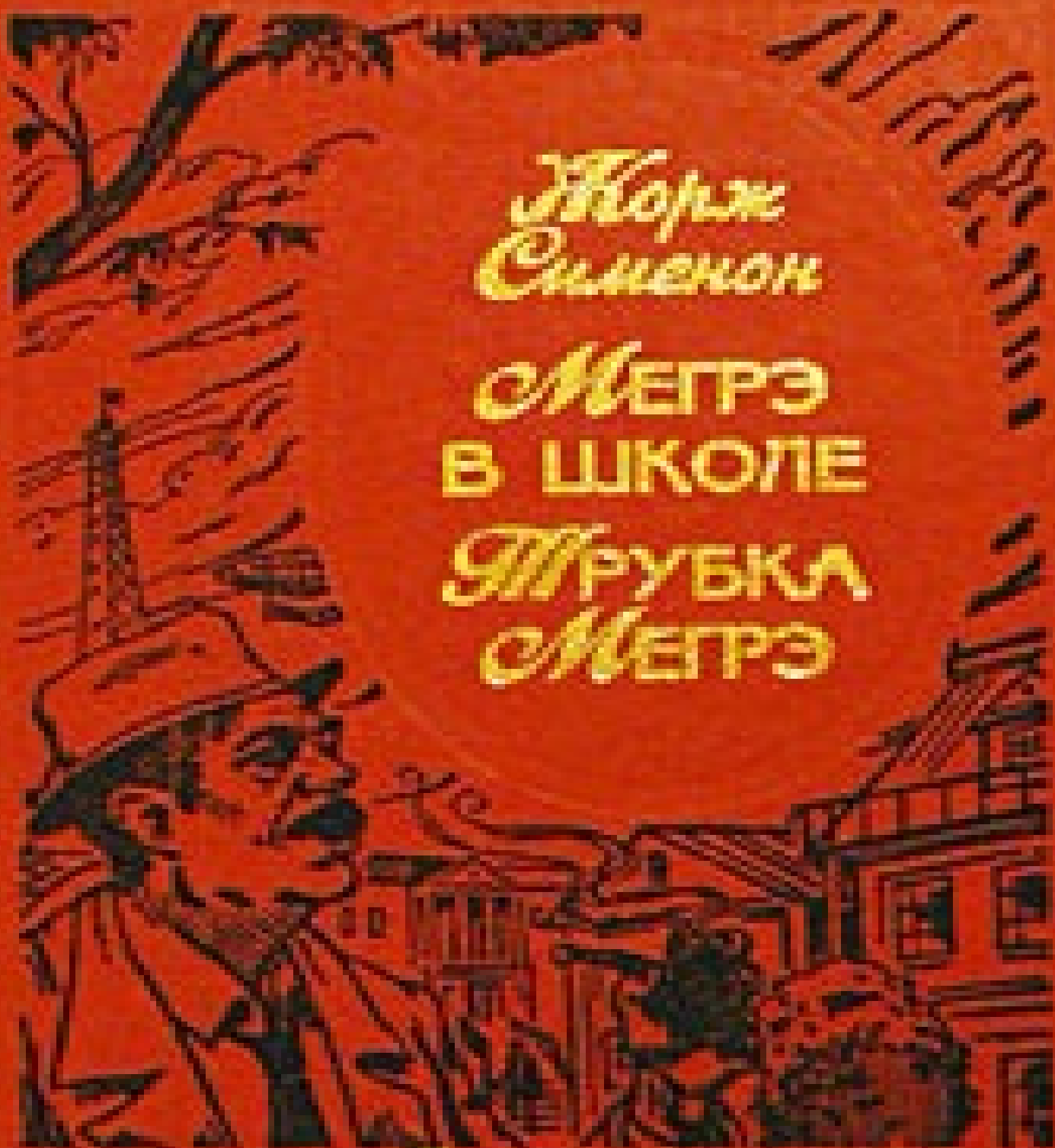

Жорж
Сименон

СМЕТРЭ
В ШКОЛЕ
ДРУБКА
СМЕТРЭ

Библиотека
ПРИКЛЮЧЕНИЙ

- [Жорж Сименон](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
-

Жорж Сименон
«Трубка Мегрэ»

Глава 1

Дом, где вещи двигаются сами

Мегрэ вздохнул. Он был в кабинете шефа, и в его вздохе прозвучали усталость и удовлетворение: так вздыхают грузные мужчины на исходе жаркого июльского дня. Привычным жестом он вытащил часы из жилетного кармана: половина восьмого; взял свои папки со стола красного дерева. Обитая кожей дверь закрылась за ним, и он прошел через приемную. Все здесь было знакомо: и пустые красные кресла для посетителей, и старый привратник за стеклянной перегородкой, и длинный коридор Сысской полиции, освещенный лучами заходящего солнца.

Он вошел в свой кабинет и сразу же почувствовал устоявшийся запах табака, хотя окна, выходившие на Набережную Орфевр, были раскрыты настежь. Положив бумаги на край стола, он выбил еще теплую трубку о подоконник и сел за стол; рука его машинально потянулась за другой трубкой, которая обычно лежала справа от него.

Но трубки на месте не оказалось.

Всегда у него было три трубки. Одна из них, пенковая, лежала у пепельницы. А самая любимая, та, которую он выкуривал охотнее всего, — большая, чуть изогнутая вересковая трубка, подаренная ему женой десять лет назад ко дню рождения, — исчезла. Удивившись, он пошарил по карманам. Поискал на камине из черного мрамора. Он не тревожился. Ничего особенного не было в том, что ему не сразу удалось найти одну из своих трубок. Снова оглядел кабинет, открыл дверцу стенного шкафа, куда был втиснут старомодный умывальник с эмалированной раковиной.

Искал он, как и все мужчины, бестолково: ведь после обеда он уже не открывал этот шкаф, а когда ему позвонил судья Комельо, было шесть часов и во рту он держал ту самую трубку.

Он позвонил привратнику:

— Скажите, Эмиль, кто-нибудь входил в мой кабинет, пока я был у шефа?

— Никто не входил, господин комиссар.

Снова похлопал по карманам пиджака и брюк. Его раздражало это бессмысленное топтание на месте, он даже вспотел от досады, как это бывает с толстяками.

Он заглянул в комнату инспекторов — там никого не было. Ему уже

приходилось терять свои трубки. Опустевшее помещение Сыскной полиции на Набережной Орфевр выглядело необычно и, если так можно сказать, уютно, будто наступило время отпусков. Постучал к шефу. Тот только что вышел. Он все же заглянул к нему, хотя знал заранее, что трубки там нет, ибо около шести, когда он зашел поговорить о делах и своем предстоящем отъезде в деревню, курил другую трубку.

Без двадцати восемь. А в восемь он обещал быть дома, на бульваре Ришар-Ленуар: сегодня они пригласили свояченицу с мужем. Дай бог памяти, что же он должен купить по дороге?.. Кажется, фрукты. Совершенно верно. Жена просила принести персики.

Вечер был душный, и, шагая по улице, он продолжал думать о трубке. Странное дело: это пустяковое, но необъяснимое происшествие помимо воли беспокоило его.

Он купил персики. Придя домой, чмокнул в щеку свояченицу, которая располнела еще больше. Налил гостям аперитив. Именно сейчас ему особенно захотелось подержать во рту свою любимую трубку.

— Много работы?

— Да нет, все спокойно.

Такие времена бывали и раньше. Двое его коллег находились в отпуске. Третий позвонил утром и сказал, что два дня не будет на службе: к нему нагрянули родственники из провинции.

— Ты чем-то озабочен, Мегрэ? — заметила жена за ужином.

У него не хватило духу признаться, что его беспокоит исчезновение трубки. Действительно, ерунда какая-то. Не могло же это всерьез волновать его... Да, тогда было около двух часов. Он сидел у себя в кабинете, к нему зашел Люка и доложил о недавнем ограблении. После этого, сняв пиджак и ослабив галстук, Мегрэ неторопливо написал рапорт по поводу одного самоубийства, которое приняли было за убийство. Он курил свою большую трубку. Затем привели Жежена, мелкого сутенера с Монмартра... Разлили по рюмкам ликер. Женщины болтали о кулинарии. Свояк рассеянно слушал, покуривая сигару. Из раскрытого окна доносился шум с бульвара Ришар-Ленуар... После обеда Мегрэ не выходил из кабинета, даже не выпил обычную кружку пива в ресторане на площади Дофин.

Впрочем, позвольте-ка, приходила ведь какая-то женщина... Как же ее звали? Руа или Леруа. Она явилась сама, без вызова.

Эмиль тогда доложил:

— К вам женщина с сыном.

— Что там у нее?

— Не желает говорить. Требуется пропустить ее к шефу.

— Впусти ее.

Совершенно случайно у него выдалось свободное время, иначе бы он ее не принял. Да и разговору с ней он придал так мало значения, что сейчас с трудом припоминал детали... Свояченица и свояк распрощались. Прибирая квартиру, жена заметила ему:

— Ты был не слишком-то разговорчив сегодня. Что-нибудь случилось?

Нет, как раз напротив. Все было в порядке, за исключением разве трубки. Смеркалось. Сняв пиджак, Мегрэ облокотился о подоконник. ...Та женщина — пожалуй, все-таки госпожа Леруа — села прямо против него, вид у нее был несколько чопорный, что свойственно людям, старающимся держаться с достоинством. Ей было около сорока пяти, она принадлежала к той породе женщин, которые, старея, словно высыхают.

— Я пришла к вам, мосье начальник... — Начальника сейчас нет. Я комиссар Мегрэ.

Вот и припомнилась деталь. Она наверняка была оскорблена тем обстоятельством, что ее не принял лично начальник Сыскной полиции; она недовольно махнула рукой, словно бы говоря:

«Что поделаешь, кому-то ведь я должна изложить свое дело».

Юноша, на которого Мегрэ поначалу не обратил внимания, встрепенулся, глаза его заблестели, и он с жадным любопытством принялся рассматривать комиссара...

— Ты не ложишься, Мегрэ? — спросила госпожа Мегрэ, укладываясь в постель.

— Сейчас.

Так... Теперь нужно припомнить, что рассказывала эта женщина. До чего же она была болтлива! И назойлива! Обычно так говорят люди, которые придают значение каждому своему слову и опасаются, что их не примут всерьез. Особенно это свойственно женщинам под пятьдесят...

— Вдвоем с сыном мы живем неподалеку от...

Мегрэ слушал ее рассеянно.

Она вдова. Так. Овдовела лет пять или шесть назад. Мегрэ забыл. Во всяком случае, давно, ибо сокрушалась, что ей одной трудно воспитывать сына.

— Я всем жертвовала ради него, мосье комиссар. Ну разве можно внимательно выслушивать то, что повторяют все женщины примерно такого же возраста при таких же обстоятельствах, повторяют гордо и смиренно... Что-то еще было связано с ее вдовством. Что же именно? Ах, да... Она сказала:

— Мой муж был кадровым офицером. Но сын поправил ее:

— Унтер-офицером, мама. Он служил интендантом в Венсенне.

— Нет уж, извини... Раз я говорю офицером, значит, знаю, что говорю. Если бы он не умер, если бы он не убил себя, работая всегда за других, он непременно и своевременно стал бы офицером. Ведь он... Припоминая этот разговор, Мегрэ не забывал о трубке. Напротив, он старался восстановить все подробности разговора. Например, он уверен, что слово «Венсенн» так или иначе связано с трубкой: ведь он курил именно ее, когда прозвучало это слово. Кстати, позже речь о Венсенне уже не заходила.

— А где вы живете?

Сейчас он не мог припомнить название набережной, но это где-то в Шарантоне, сразу же за набережной Берси. Порывшись в памяти, он мысленно представил себе широкую набережную, вдоль которой тянулись склады, а у берега стояли баржи.

— У нас небольшой двухэтажный домик как раз между кафе на углу улицы и доходным домом.

Юноша сидел в углу кабинета и держал на коленях соломенную шляпу. Ну да, у него была соломенная шляпа.

— Мой сын не хотел, чтобы я обращалась к вам, мосье начальник. Простите, мосье комиссар... Но я ему возразила: «Ты ни в чем не провинился, поэтому...»

Какого цвета было у нее платье? Кажется, черное, с лиловым отливом. Такие платья носят женщины в возрасте, претендующие на элегантность. Замысловатая шляпа, вероятно не раз переделанная. Темные нитяные перчатки. Она с удовольствием слушала себя и речь свою начинала так:

«Вообразите себе, что...»

— Или же: «Все, конечно, известно, что...»

Перед ее приходом Мегрэ надел пиджак и теперь изнывал от жары, его клонило ко сну. Ну и наказание! Он жалел, что сразу же не направил ее в комнату инспекторов.

— Возвращаясь домой, я уже не раз замечала, что кто-то побывал там в мое отсутствие.

— Вы живете вдвоем с сыном?

— Да. И сначала я даже подумала, что это он. Однако это происходило в те часы, когда сын бывал занят на работе.

Мегрэ взглянул на юношу. Тому, казалось, не нравился этот разговор. Еще один тип, также хорошо ему знакомый. Худой, рыжеватый верзила лет семнадцати, на лице прыщи и веснушки.

Замкнутый? Возможно. Мамаша чуть позже сама сказала о его недостатках, — есть люди, которые любят чернить своих близких. Во

всяком случае, застенчивый. И скрытный. Он сидел, упорно уставившись в ковер. Но как только никто не смотрел на него, метал взгляды на Мегрэ.

Парню было явно не по себе. Он, конечно, злился на мать, что она обратилась в полицию. Быть может, он немного стыдился ее манерности, ее многословия.

— Чем занимается ваш сын?

— Он парикмахер.

Юноша заметил с досадой:

— У моего дядюшки парикмахерская в Ипоре, и вот мама решила во что бы то ни стало...

— Разве стыдно быть парикмахером? Я хочу сказать, мосье комиссар, что во время работы он не смог бы улизнуть из парикмахерской. Она на площади Республики. Я сама это проверила.

— Значит, подумав, что в ваше отсутствие сын приходит домой, вы следили за ним?

— Да, мосье комиссар. Но никого конкретно я не подозреваю, — просто мне хорошо известно, что мужчины способны на все.

— Что же ваш сын мог делать в доме в ваше отсутствие?

— Ума не приложу.

— А почему вы уверены, что кто-то бывает в вашем доме?

— О! Это сразу же чувствуется, мосье комиссар.

Едва открыв дверь, я могу сказать... Что ж, не слишком научно, зато вполне убедительно. Мегрэ сам замечал такое.

— Ну, а еще?

— Да всякие мелочи. Платяной шкаф, например, я никогда не запираю, а его дверца оказалась как-то запертой на ключ.

— Вы держите в шкафу какие-нибудь ценности?

— Там у меня одежда, постельное белье, кое-какие семейные сувениры. Но ничего не пропало. И в подвале кто-то также передвинул один из ящиков.

— А что в нем было?

— Стеклянные банки. Пустые.

— Словом, ничего у вас не пропало?

— Нет как будто.

— С каких же пор вам кажется, что к вам в дом кто-то наведывается?

— Да уже месяца три. Но все это мне не кажется, я уверена в этом.

— Сколько раз, по-вашему, проникали к вам?

— Всего раз десять... После первого раза не приходили долго. Что-то около трех недель. А может, я не замечала. Потом приходили два раза

подряд. Затем опять никого не было недели три или даже больше. Но последние дни визиты следуют один за другим. Позавчера, например, когда была гроза, я увидела на полу мокрые следы.

— Мужские или женские?

— Скорее мужские, однако я не уверена.

— И все же ваш сын не хотел, чтобы вы обращались в полицию?

— Вот именно, мосье комиссар. Как раз этого я и не могу понять. Он ведь тоже видел следы.

— Вы видели следы, молодой человек? Тот, насупившись, предпочел не отвечать. Означало ли это, что мамаша его преувеличивает или что она не совсем в своем уме? Как знать?

— Вам известно, каким путем незнакомец или знакомцы проникают в ваш дом?

— Должно быть, через дверь. Окна я никогда не оставляю открытыми. А чтобы пробраться со двора, надо перелезть через высокую стену и пройти соседними дворами.

— Вы обнаружили какие-нибудь следы на замке?

— Ни царапинки. Я даже осмотрела его сквозь увеличительное стекло, оставшееся от мужа.

— Есть еще у кого-нибудь ключ от вашего дома?

— Ни у кого. Он мог быть у моей дочери (юноша заерзал на стуле), но она живет в Орлеане с мужем и двумя детьми.

— У вас с ней хорошие отношения?

— Я всегда говорила, что ей не следовало выходить замуж за это ничтожество. Кроме того, мы не видимся...

— Вас часто не бывает дома? Вы же сказали, что вы вдова. Вероятно, пенсия, которую вы получаете от армии, невелика...

— Я работаю, — скромно, но с достоинством ответила она. Поначалу, то есть сразу же после смерти мужа, у меня в доме были жильцы. Двое. Но мужчины слишком большие грязнули. Видели бы вы, во что они превратили комнаты!

С этого момента Мегрэ уже не слушал ее, и тем не менее ему теперь отчетливо вспоминались не только ее слова, но даже интонация, с какой они были произнесены.

— Уже год я служу компаньонкой у мадам Лальман.

Это весьма достойная дама, мать врача. Мы скорее приятельницы, вы понимаете?

Говоря по правде, Мегрэ совершенно не интересовала эта история. Возможно, перед ним была одержимая. Во всяком случае, она несомненно

принадлежала к той категории людей, которые вынуждают вас напрасно тратить время. И тут вошел шеф, вернее, он заглянул в кабинет и по виду посетителей сразу определил, что дело пустяковое.

— Можно вас на минутку, Мегрэ?

Они вышли в соседний кабинет и с десятков минут толковали о разрешении на арест, только что полученном по телеграфу из Дижона.

— Торанс займется этим делом, — сказал Мегрэ. В это время во рту у него была трубка, но не та — самая любимая, а другая. Любимую он, вероятнее всего, положил на стол незадолго перед тем, как ему позвонил судья Комельо. Но в то время он не задумывался над этим.

Он вернулся в кабинет и, став перед окном, заложил руки за спину.

— В общем, у вас ничего не украли, мадам?

— Надеюсь.

— Стало быть, вы не намерены заявить о краже?

— Этого я не могу сделать, поскольку...

— Вам просто кажется, что последние месяцы и особенно последние дни кто-то проникает к вам в дом. Верно?

— Как-то раз даже ночью.

— Вы кого-нибудь видели?

— Я слышала.

— Что же вы слышали?

— На кухне упала чашка и разбилась. Я сразу же спустилась вниз.

— Вы были вооружены?

— Нет. Я не боялась.

— Там никого не было?

— Там уже никого не было.

— Кошки у вас нет?

— Ни кошки, ни собаки. От животных всегда грязь.

— Пролезть к вам кошка не могла?

Юноша на стуле терзался все больше.

— Мама, ты злоупотребляешь терпением комиссара Мегрэ!

— Итак, мадам, вы не знаете, кто бы мог проникнуть к вам и не имеете ни малейшего представления о том, что могли бы искать в вашем доме?

— Понятия не имею. Мы всегда были честными людьми и...

— Если вам нужен мой совет — смените замок. Тогда и посмотрим, будут ли продолжаться таинственные визиты.

— А как же полиция?

Но он уже выпроваживал их. Шеф ждал его в своем кабинете.

— На всякий случай я пришлю к вам завтра одного из моих

сотрудников. Можно установить наблюдение за вашим домом. Но помимо этого, право, я не представляю...

— Когда он придет?

— Вы говорили, что по утрам бываете дома.

— Да. Разве что выйду в магазин.

— Десять часов вас устроит? Значит, завтра в десять часов. До свидания, мадам. До свидания, молодой человек.

Мегрэ нажал кнопку звонка. Вошел Люка.

— Это ты?.. Завтра к десяти утра пойдешь по этому адресу. Узнай, в чем там дело.

У него, правда, не было уверенности, что поступает он правильно. Полицейская префектура, как и редакции газет, притягивают к себе маньяков и помешанных... ..И теперь, ощущая ночную сырость у раскрытого окна, Мегрэ проворчал, вспоминая этот разговор:

— Негодный мальчишка!

Без сомнения, это он стащил трубку со стола. Утром Мегрэ проснулся не в духе, встал, как говорится, с левой ноги. К тому же небо было затянуто тучами и начинало парить.

До Набережной Орфевр он добрался пешком и дважды машинально шарил в кармане, пытаясь найти любимую трубку. Тяжело вздохнув, он поднялся по пыльной лестнице. Эмиль встретил его словами:

— Вас ждут, мосье комиссар.

Заглянув в зал ожидания, он увидел госпожу Леруа.

Сидя на краешке обитого зеленым бархатом стула, она была готова в любое мгновение вскочить. Заметив его, она ринулась к нему навстречу. Вид у нее был чрезвычайно возбужденный и встревоженный. Вцепившись в лацканы его пиджака, она воскликнула:

— Что я вам говорила? Они снова приходили этой ночью. Мой сын исчез! Теперь-то вы мне верите? Ах, я сразу почувствовала, что вы принимаете меня за сумасшедшую. Не так уж я глупа. Вот полюбуйтеесь...

Судорожно порывшись в сумке, она вытащила носовой платок с голубой каемкой и торжествующе помахала им:

— Вот... Разве это не доказательство? У меня в доме нет платков с голубой каемкой. А этот я нашла в кухне у стола. И это еще не все!

Мегрэ мрачно оглядел коридор, где царил утреннее оживление. На них стали уже оборачиваться.

— Пройдемте со мной, мадам, — вздохнул он. Экая досада! Он так и предчувствовал, что она снова заявится. Он толкнул дверь своего кабинета, повесил шляпу на обычное место.

— Садитесь. Слушаю вас. Вы говорите, что ваш сын?..

— Этой ночью мой сын исчез, и теперь один бог знает, где он и что с ним!

Глава 2

Домашние туфли Жозефа

Трудно было понять, что именно думала эта женщина о судьбе собственного сына. Только что она причитала, заливаясь слезами:

— Я уверена, что они убили его. А вы тем временем ничего не сделали! Разумеется, вы приняли меня за сумасшедшую! И вот он убит! А я теперь осталась одна, совсем одна, без всякой поддержки!..

Теперь же, в такси, катившем под кронами деревьев на набережной Берси, так похожей на деревенскую аллею, лицо ее прояснилось и глаза снова заблестели.

Мегрэ сидел рядом с ней на заднем сиденье, Люка — с шофером. На противоположном берегу Сены виднелись заводские трубы. А на этом тянулись склады, доходные дома, теснились невзрачные постройки, сооруженные еще в то время, когда здесь была сельская местность.

Мадам Руа, нет — Леруа, заерзав, постучала по стеклу:

— Приехали. Простите за беспорядок в доме. Понятно, что сегодня я не принималась за уборку.

Она поискала ключ в сумке. Дверь была темно-коричневая, стены — бурые. Мегрэ тем временем успел осмотреть замок; следов взлома не было.

— Входите, прошу вас. Вы, наверное, осмотрите все комнаты. Пожалуйста, вот осколки чашки, они на том самом месте, где я их нашла в тот день.

Она не преувеличивала, утверждая, что у нее идеальная чистота. Нигде ни пылинки. Везде порядок. Но, боже, как все это уныло выглядело! Более того — убого. Узкий коридор, стены снизу коричневые, сверху — темно-желтые. Коричневые двери. Обои, наклеенные по меньшей мере лет двадцать назад, давным-давно потеряли свой первоначальный цвет.

Хозяйка тараторила без умолку:

— Меня особенно удивляет, что я ничего не слышала, хотя сплю очень чутко. А эту ночь я спала как убитая...

Он взглянул на нее.

— Вы полагаете, что вам подсыпали снотворного?

— Нет, этого не может быть! Он бы не посмел! Да и зачем? Для чего бы это ему понадобилось?

Неужели она готова снова распалиться? Она металась словно угорелая,

то обвиняя сына, то причитая по нем. Мегрэ же, напротив, был вял и медлителен и словно воплощал собой саму неподвижность. Подобно губке, он впитывал в себя все происходящее.

Женщина не отходила от него ни на шаг, следила за каждым его жестом, взглядом, подозрительно всматривалась в него, стараясь догадаться, о чем он думает.

Люка также наблюдал за начальником, сбитый с толку этим следствием, которое представлялось ему даже не смешной, а просто глупой затеей.

— Столовая направо, в другом конце коридора. Но когда мы бываем одни — а мы почти всегда одни, — мы едим на кухне.

Она бы крайне удивилась и даже возмутилась, узнав, что Мегрэ машинально ищет здесь свою трубку. Он стал подниматься по узкой скрипучей и шаткой лестнице. Она последовала за ним, поясняя по дороге, — ее прямо распирала потребность давать пояснения!

— Жозеф занимал комнату слева... Боже мой! Я сказала — занимал, словно уж он...

— Вы ни к чему здесь не притрагивались?

— Нет, ни к чему, клянусь вам. Постель, как видите, приготовлена, но, ручаюсь, он не спал на ней...

Комиссар приоткрыл дверцу шкафа.

— Все его вещи на месте?

— В том-то и дело, что нет. Если бы в комнате были все его вещи, то костюм и рубашка лежали бы на стуле... Возможно, юноша, услышав ночью шум, спустился в кухню, и там на него напал таинственный гость или гости?

— Вчера вечером вы видели его в постели?

— На ночь я всегда целую его. И вчера пришла, как обычно. Он был уже раздет. Его вещи были сложены на стуле. Ну, а ключ... — Видимо, у нее мелькнула какая-то мысль, и она вновь принялась объяснять:

— Видите ли, снизу я всегда ухожу последней и двери сама закрываю на ключ. А ключ держу у себя в комнате, под подушкой, чтобы...

— Значит, сегодня утром ключ был на месте?

— Да, мосье комиссар. Я сразу об этом как-то не подумала, но потом вспомнила. Значит, он не собирался убежать, как вы думаете?

— Минутку. Стало быть, ваш сын лег спать. Затем встал и оделся.

— Смотрите-ка, на полу его галстук! Он не повязал галстук!

— А где его башмаки?

Она живо обернулась в угол комнаты, где стояли две пары сильно

поношенных штиблет.

— И башмаки здесь. Он ушел в домашних туфлях.

Мегрэ по-прежнему искал трубку и нигде ее не находил. Впрочем, теперь он уже и сам точно не знал, что ищет. На всякий случай он осмотрел убогую комнату юноши. В шкафу висел синий костюм, его «выходной костюм», который он надевал только по воскресеньям, несколько рубашек, заношенных, не раз чиненных, и стояла пара лакированных туфель.

Валялась начатая пачка сигарет.

— Ваш сын не курил трубку?

— Что вы, я бы не позволила ему, в его-то возрасте! Впрочем, недели две назад он принес домой маленькую трубку, какими торгуют на ярмарках. Так я у него вырвала ее и бросила в печь.

Мегрэ вздохнул и перешел в комнату госпожи Леруа, которая продолжала причитать:

— Вы уж не обессудьте, я не успела убрать свою постель.

Она была назойлива до тошноты.

— Наверху у нас мансарда, — мы спали там первые месяцы после смерти мужа, когда у меня были жильцы... Ведь он не надел ни башмаков, ни галстука. Что вы скажете на это?

И Мегрэ раздраженно бросил:

— Я ничего не знаю, мадам!

Уже два часа Люка обшаривал весь дом, заглядывал во все закоулки, и всюду за ним следовала госпожа Леруа, голос которой не умолкал ни на минуту:

— Смотрите — вот этот ящик был как-то выдвинут. Тогда перевернули стопку белья на верхней полке...

За окном палило солнце, его густые жаркие лучи походили на расплавленный мед. Но в доме было сумрачно. Мегрэ совсем изнемог от усталости — ему уже не хватало сил поспевать за своими спутниками.

Уезжая из префектуры, он поручил одному из инспекторов позвонить в Орлеан и выяснить, приезжала ли последнее время в Париж замужняя дочь мадам Леруа. Едва ли это могло стать зацепкой... А если Жозеф тайком от матери сделал себе ключ? Значит, в таком случае, он намеревался сбежать этой ночью... Почему же он не надел галстук и тем более ботинки?

Мегрэ теперь точно знал, как выглядели его пресловутые домашние туфли. В целях экономии госпожа Леруа сшила их сама из старых лоскутков. А подметки вырезала из войлока.

Здесь царила бедность, и она была особенно мучительной и невыносимой, поскольку в ней не хотели признаваться.

Ну, а прежние жильцы? Госпожа Леруа рассказала ему о них. Первым по объявлению, выставленному в окне, пришел старый холостяк, служащий фирмы «Сустель».

— Достойный и хорошо воспитанный человек, мосье комиссар, если можно назвать воспитанным человека, который выбивает свою трубку где попало. К тому же у него была мания вставать по ночам — он спускался вниз и пил травяной настой. И все же он был человек образованный.

Вторую комнату вначале занимал каменщик или, как она его величала, подрядчик. Каменщик ухаживал за ней и твердо намерен был жениться.

— Он постоянно говорил мне о своих сбережениях, о домике в Монлюсоне, куда хотел увезти меня, когда мы поженимся. Заметьте, я ни в чем не могла упрекнуть его... Но — увы! — каменщик все же съехал, видимо разочарованный. Его место занял некий Блюстейн.

— Иностранец. По-французски говорил хорошо, хотя и с легким акцентом. Он служил коммивояжером и ночевал лишь раз или два в неделю.

— У ваших жильцов был ключ?

— Нет, мосье комиссар. В то время я всегда бывала дома. А если куда выходила, ключ прятала за водосточной трубой, и они знали, где его найти. Как-то раз мосье Блюстейн исчез на целую неделю...

— Вас он ни о чем не предупреждал?

— Нет. И все-таки он тоже был хорошо воспитанный человек...

Возле швейной машины в углу столовой лежало несколько книг. Мегрэ небрежно полистал их. Все это были дешевые издания. Главным образом приключенческие романы. На полях книг часто попадались монограммы, выведенные то карандашом, то чернилами: «Ж» и «М».

Причем «М» почти всегда намного больше и выписано старательнее, чем «Ж».

— Вы знаете кого-нибудь, чье имя начиналось бы с буквы «М», мадам Леруа? — крикнул он в сторону лестничной клетки.

— «М»? Нет, что-то не припоминаю. Впрочем, кузину моего мужа звали Марселла, но она скончалась от родов в Иссудене.

Был уже полдень, когда Люка и Мегрэ вышли на улицу.

— Что-нибудь выпьем, патрон?

Они вошли в маленькое бистро под красной вывеской на углу улицы и уселись за столик. Оба были в прескверном настроении; Люка выглядел особенно мрачным.

— Ну и дыра, — вздохнул он. — Кстати, я нашел любовную записку. Отгадайте где? В пачке сигарет этого парня. Должно быть, он до смерти боялся матери.

Это была действительно любовная записка:

Мой дорогой Жозеф, ты меня так расстроил вчера, сказав мне, что я тебя презираю и никогда не выйду замуж за такого человека, как ты. Ты ведь хорошо знаешь, что я люблю тебя так же, как ты меня. Я верю, что ты непременно многого добьешься в жизни. Но, прошу тебя, не жди меня больше так близко от магазина. Тебя заметили, и мадам Роза уже что-то подозревает. Впредь жди меня у метро, но только не завтра, потому что за мной зайдет мама и мы пойдем к зубному врачу. Прошу тебя, ничего больше не выдумывай. Нежно целую тебя и люблю.

Матильда.

— Так вот что! — воскликнул Мегрэ, перебирая записки в своем бумажнике.

— Что такое?

— «Ж» и «М». Что поделаешь — такова жизнь! Так это начинается, а кончится в маленьком домишке, где будут царить одиночество и покорность судьбе. Как только я подумаю, что этот негодник стащил у меня трубку...

— Вы и впрямь полагаете, что у вас ее украли?

Видно было, что Люка не верит этому, как и всем басням матушки Леруа. Ему уже в зубах навязла вся эта история, и он не понимал поведения начальника, который всерьез строил бог знает какие догадки.

— Если бы он не стянул мою трубку... — начал Мегрэ.

— Ну и что? Что это доказывает?

— Тебе не понять. Я был бы спокойнее... Гарсон, сколько я вам должен?

Они ждали автобуса, глядя на безлюдную набережную. Было время обеда. Подъемные краны замерли, протянув неподвижные руки к небу, а баржи, казалось, заснули... В автобусе, не выпуская трубки изо рта, Мегрэ вдруг прыснул от смеха:

— Бедняга... Мне вспомнился этот унтер... Ты замечал, Люка, что на кладбищах могилы вдов встречаются значительно чаще, чем могилы вдовцов? «Здесь покоится такой-то и такой-то, скончавшийся в 1901 году». А ниже надпись посвежее: «Здесь покоится такая-то, вдова такого-то, скончавшаяся в 1930 году». Разумеется, она последовала за ним, но двадцать девять лет спустя!

Пока в полицейской картотеке разыскивали всех Блюстейнов, когда-либо имевших дело с правосудием, Мегрэ занимался обычными текущими делами, Люка же большую часть времени проводил в переулках около площади Республики.

Гроза так и не разразилась. А духота становилась все более невыносимой. Свинцовое небо с фиолетовыми отсветами напоминало готовый прорваться фурункул. Раз десять — не меньше — Мегрэ инстинктивно протягивал руку за пропавшей трубкой и всякий раз ворчал:

— Проклятый мальчишка...

Дважды он осведомлялся по телефону:

— Нет новостей от Люка?

Не так уж сложно было опросить в парикмахерской сослуживцев Жозефа Леруа и таким образом найти Матильду — ту, что писала ему записки.

Итак, сначала Жозеф стащил трубку Мегрэ. Затем тот же Жозеф, хотя и одетый, но в домашних туфлях — если их можно назвать туфлями, — прошлой ночью исчез... Мегрэ оторвался от чтения какого-то протокола, попросил телефонистку соединить его с картотекой и с несвойственным для него нетерпением спросил:

— Ну, как дела с Блюстейнами?

— Ищем, мосье комиссар, — тут их целая куча, настоящих и мнимых. Во всяком случае, пока еще не нашли никого, кто проживал бы в это время на набережной Берси. Как только что-нибудь обнаружим, сразу же сообщим.

Наконец появился Люка. Он обливался потом.

— Все в порядке, шеф. Но это было не легко, уверяю вас. Наш Жозеф — престранный тип... Он весьма неохотно посвящал других в свои секреты. Вообразите себе длинный парикмахерский зал. Пятнадцать или двадцать кресел и столько же мастеров. С утра до вечера толкучка... Люди входят, уходят... «Жозеф? — спросил у меня хозяин. — Какой это Жозеф? Ах, да. Прыщавый. Ну и что? Что натворил этот Жозеф?» Я спросил у него разрешения задать несколько вопросов его служащим. И пока я переходил от кресла к креслу, все они хихикали, переглядывались. «Жозеф? Нет, мы никогда не проводили время вместе. Он всегда уходил один. Была ли у него девчонка? Возможно... Хотя с такой рожей...» Снова хихиканье: «Был ли он откровенен? Чурбан — и тот откровеннее. Этот юный господин стыдился своей профессии и не снисходил до нас — брадобреев...» Видите, шеф, в каком тоне они разговаривали со мной. Хозяин уже начал

ворчать, считая меня слишком назойливым. Наконец я добрался до кассы. Кассирша, толстушка лет тридцати, томная и сентиментальная на вид, прежде всего спросила меня: «Жозеф наделал глупостей?» — «Да нет же, мадемуазель, напротив. Скажите, были у него знакомые девушки где-нибудь в округе?»

— Нельзя ли покороче? — пробурчал Мегрэ.

— Охотно. Тем более, если вы намерены повидать малышку, сейчас самое время туда отправиться. Короче, через эту кассиршу Жозеф получал записки от Матильды. Найденная записка, вероятней всего, была написана позавчера. Обычно мальчишка-рассыльный вбегал в парикмахерскую, совал записку кассирше и шептал: «Для мосье Жозефа». К счастью, кассирша видела, как этот рассыльный входил в галантерейный магазин на бульваре Бон-Нуфель. Так я и нашел, наконец, Матильду.

— Ты ей что-нибудь сказал?

— Она даже не подозревает, что я ею занимаюсь. Просто я спросил у хозяина магазина, есть ли у него служащая, по имени Матильда. Он показал мне ее за прилавком и хотел было позвать. Я же попросил его ничего ей не говорить... Сейчас половина шестого. Через полчаса магазины закрываются.

— Простите, мадемуазель...

— В чем дело, мосье?..

— Одно лишь слово.

— Оставьте меня в покое.

Миловидная девушка, она приняла Мегрэ за... Что ж, ничего не поделаешь.

— Полиция.

— Как? Что вам от меня нужно?

— Хочу кое-что выяснить о вашем Жозефе.

— О Жозефе? А что он сделал?

— Этого я не знаю, мадемуазель. Но мне хотелось бы узнать, где он сейчас. И тут он спохватился:

«Черт возьми, оплошал...» Опростоволосился, как новичок. Ведь он заметил, как она беспокойно оглядывалась. Не стоило заводить с ней разговор. Проще было проследить за ней. Ведь у них свидание возле метро. Иначе она не замедлила бы шаг и спокойно шла бы своей дорогой.

— Он, должно быть, на работе, как обычно.

— Нет, мадемуазель. И вам наверняка известно это лучше, чем мне.

— Что вы хотите этим сказать?

На Больших Бульварах было время «пик». Целые толпы людей устремлялись в метро и исчезали под землей.

— Постоим здесь минутку, — сказал он, задерживая ее у входа.

Она заметно нервничала, озиралась по сторонам. Это была славная восемнадцатилетняя девушка, с круглой мордашкой и апломбом маленькой парижанки.

— Как вы узнали обо мне?

— Это не имеет значения. Что вам известно о Жозефе?

— А что вам от него нужно, хотела бы я знать? Комиссар в свою очередь разглядывал толпу, говоря себе, что Жозеф, увидев его с Матильдой, тут же скроется.

— Не говорил ли ваш Жозеф, что жизнь его скоро переменится? Только не лгите.

— А зачем мне лгать? — Она закусила губку.

— Ну вот, вы задаете вопрос, чтобы выиграть время и придумать какую-нибудь небылицу. Она топнула каблучком.

— А чем вы докажете, что вы действительно из полиции?

Он показал ей удостоверение.

— Признайтесь, Жозеф очень стыдился своего положения?

— Ну и что из этого?

— А то, что это мучило его, даже слишком.

— Возможно, он не хотел быть парикмахером — разве это преступление?

— Вы же знаете, что я имею в виду другое. Ему опротивел его дом, весь этот образ жизни. Он стыдился даже своей матери. Верно же?

— Мне он этого никогда не говорил.

— Ко вы это чувствовал? Так вот, последнее время он должен был говорить вам о предстоящей перемене в его жизни.

— Нет, не говорил.

— Давно ли вы знаете друг друга?

— Немного больше полугода. Мы познакомились зимой. Он зашел в магазин купить бумажник. Я поняла, что он показался ему слишком дорогим, но он постеснялся сказать мне об этом и все-таки купил бумажник. Вечером я заметила его перед входом в магазин. Несколько дней он ходил следом за мной и не решался заговорить.

— Вы где-нибудь бывали вместе?

— Чаще всего мы встречались после работы на несколько минут. Иногда он провожал меня до станции метро «Шампионпе». Я там живу. По

воскресеньям иногда ходили в кино. Но редко, потому что мои родители...

— Вы никогда не были у него дома в отсутствие матери?

— Никогда. Клянусь вам. Как-то он показал мне свой дом издали, чтобы объяснить мне...

— Что он очень несчастлив... Вот видите!

— Он сделал что-нибудь дурное?

— Да нет же, деточка! Он просто исчез. И надо его найти. Я рассчитываю на вашу помощь, хотя, признаться, не слишком. Бесполезно спрашивать у вас, снимал ли он где-нибудь комнату.

— Сразу видно, что вы его не знаете. У него никогда не было денег. Весь заработок он отдавал матери, а того, что она ему оставляла, едва хватало на сигареты.

Она покраснела.

— Когда мы ходили в кино, каждый из нас платил за свой билет. И однажды...

— Ну, продолжайте же...

— Боже мой, а почему бы и нет... В этом нет ничего плохого. Месяц назад мы поехали вместе за город, и у него не хватило денег расплатиться за обед.

— Куда вы ездили?

— На Марну. Мы сошли с поезда в Шелле и погуляли между Марной и каналом.

— Благодарю вас, мадемуазель.

— Почему же его ищет полиция?

— К нам обратилась его мать. Не беспокойтесь, мадемуазель, и если узнаете что-нибудь о нем раньше нас, сообщите немедленно.

Обернувшись, он увидел, как она нерешительно спускается по лестнице в метро.

В кабинете на Набережной Орфевр его ждало донесение.

«Некий Блюстейн Стефан, 35 лет, был убит 15 февраля 1919 года в Ницце в отеле „Негреско“, где он остановился за несколько дней до того. У Блюстейна бывало много посетителей, часто поздно ночью. Он был убит выстрелом из пистолета шестимиллиметрового калибра; оружие так и не было найдено. Проведенное следствие не установило убийцу. Преступник обшарил все вещи, и наутро в комнате царил неопиcуемый беспорядок.

Личность самого Блюстейна весьма подозрительна; попытки установить, откуда он появился, ни к чему не привели. Выяснилось лишь, что в Ниццу он приехал скорым поездом из Парижа. Сыскная полиция Ниццы несомненно располагает более полными сведениями».

Дата убийства совпадала с днем исчезновения Блюстейна с набережной Берси, и Мегрэ в который раз, привычно потянувшись за пропавшей трубкой, проворчал:

— Паршивец безмозглый!

Глава 3

Частный розыск

Попадают иногда фразы, которые так ладно укладываются в ритм движения — ну хотя бы поезда — и так прочно входят в сознание, что от них трудно отделаться. Именно такая фраза неотвязно преследовала Мегрэ в стареньком громыхающем такси, а ритм отбивали тяжелые капли дождя, стучавшие по мокрой крыше:

«Част-ный ро-зыск... Част-ный ро-зыск... Част-ный ро...»

Ведь, по сути дела, не было почти никаких оснований для того, чтобы тащиться по темной дороге вместе с бледной девушкой, сидящей рядом, и милым исполнительным Люка, подпрыгивающим на переднем сиденье. Обычно, когда женщина, подобная мадам Леруа, отрывает вас от дел, ей даже не дают закончить ее причитаний.

«У вас ничего не украли, мадам? Вы не собираетесь подавать заявление? В таком случае весьма сожалею, но...»

И даже если у нее пропал сын:

«Вы говорите, что он сбежал? Если мы станем разыскивать всех сбежавших из дому, вся полиция будет заниматься лишь этим и нам еще не хватит людей!»

«Частный розыск по заявлению родственников» — вот как это называется. И производится он лишь на средства тех, кто ходатайствует о розыске. Что же до результатов... Такси выехало за пределы Парижа и мчалось по шоссе. Зачем его понесло сюда? Ему даже не возместят проезд на такси. И все это из-за трубки... Гроза разразилась как раз в тот момент, когда он подошел к двери дома на набережной Берси. Он позвонил и застал госпожу Леруа за обедом, который состоял из хлеба, масла и копченой селедки. Несмотря на переживания, селедку она попыталась спрятать.

— Вы узнаете этого человека?

Хотя и с удивлением, но не колеблясь, она ответила:

— Это мой бывший жилец, мосье Блюстейн. Странно, на фото он одет, словно... Да, словно светский щеголь. В то время как на набережной Берси он был похож скорее на бедняка.

— Что это значит, мосье комиссар? Где этот человек? Что он сделал?

— Он убит. Скажите-ка, я вижу...

Он окинул взглядом комнату: шкафы были раскрыты, ящики

выдвинуты.

— ...что нам с вами пришла одна и та же мысль. Она покраснела. И готова была уже огрызнуться, но комиссар в этот день не отличался долготерпением.

— Вы пересмотрели все вещи в доме. Не отрицайте. Хотели узнать, не прихватил ли чего с собой ваш сын, не так ли? Ну и каковы результаты?

— Никаких, клянусь вам. Все на месте. Что вы на это скажете? Да куда же вы?

Он был уже за дверью. Опять потеряно время. И опять глупо. Недавно, разговаривая с девушкой на бульваре Бонн-Нувель, он не удосужился спросить у нее точный адрес. А теперь она ему понадобилась. К счастью, ее хозяин живет в том же доме, что и магазин.

Пришлось взять такси. Крупные капли стучат по асфальту. Спешат прохожие. Машина то и дело застревает у светофоров.

— Улица Чемпионне, дом шестьдесят семь. Он ворвался в маленькую комнату, где четверо — отец, мать, дочь и двенадцатилетний сын — ели суп за круглым столом. Матильда испуганно вскочила.

— Прощу прощения. Мне нужна помощь вашей дочери, чтобы установить личность покупателя, которого она видела в магазине. Будьте любезны, мадемуазель, следуйте за мной.

— Куда мы едем?

— В Шелл.

— Вы думаете, он там?

— Я ровным счетом ничего не знаю, мадемуазель...

Шофер, остановитесь сначала у префектуры на Набережной Орфевр.

Здесь он посадил в такси поджидавшего его Люка. Частный розыск по заявлению родственников!.. Сам он сел сзади, вместе с Матильдой, которая испуганно жалась к нему. Крупные капли, протекая сквозь старенькую крышу такси, падали ему на левое колено. Прямо перед ним маячил тлеющий огонек сигареты Люка.

— Вы хорошо помните Шелл, мадемуазель?

— Ода!

Черт побери, разве это не было самым дорогим ее воспоминанием об их любви? Один лишь раз они улизнули из Парижа, бегали вместе по высокой траве, по берегу реки...

— Вы уверены, что в темноте отыщете дорогу?

— Думаю, да. Если только такси поедет мимо вокзала: ведь в Шелл мы

приехали поездом.

— Вы мне говорили, что обедали там в таверне?

— Да, в таверне. Запущенной, грязной и настолько мрачной, что нам даже жутко стало. Мы шли к ней по берегу Марны. Погодите... Как раз слева видна заброшенная печь для обжигания извести, а в полукилометре оттуда — двухэтажный домик... Мы удивились, когда его там увидели... Мы вошли. Справа — обитая цинком стойка. Беленые стены, два железных стола и несколько стульев. Этот тип...

— Хозяин?

— Ну да. Маленький такой, чернявый. Он больше похож на... Не знаю, как вам объяснить. Может, нам просто показалось... Мы спросили, можно ли здесь перекусить, И он подал нам паштет, колбасу, а затем подогрел кролика. Все было очень вкусно. Хозяин болтал с нами, рассказывал о рыболовах, которые были его клиентами. Да, и в углу там лежала целая груда удочек...

— Это здесь? — спросил Мегрэ, видя, что шофер остановился.

Небольшое здание станции, несколько огней в ночной темноте.

— Направо, — сказала девушка, — а затем второй поворот, тоже направо. Там мы спросили дорогу. Но почему вы решили, что Жозеф здесь?

Просто так. Вернее, из-за трубки. Но в этом он не решился бы признаться.

Частный розыск по заявлению родственников! Ну и смешно же он выглядит. И все-таки...

— Теперь — прямо, — сказала Матильда, — дальше на реке есть мост, но по нему ехать не надо, сверните налево, только осторожно — дорога узкая!..

— Признайтесь все-таки, деточка, что ваш Жозеф последнее время говорил вам о возможных и даже весьма вероятных переменах в его жизни.

— Он очень честолобив.

— Я говорю не о далеком будущем, а о том, что должно было произойти со дня на день.

— Ему не хотелось быть парикмахером.

— Он надеялся, что у него появятся деньги. Верно? Бедняжка, как она мучилась! Как боялась предать своего Жозефа!

Машина медленно ехала по берегу Марны. Слева виднелись низкие домишки бедняков и лишь изредка комфортабельные виллы. То тут, то там мелькал свет, иногда лаяла собака. Примерно в километре от моста дорога стала ухабистой, такси остановилось, и шофер сказал:

— Дальше не проехать.

Дождь лил как из ведра. Выйдя из машины, они тут же промокли до нитки. Земля ускользала из-под ног, кусты цеплялись за одежду. Им пришлось идти цепочкой; шофер, ворча, забрался обратно в машину и, несомненно, готовился предъявить солидный счет.

— Странно. Я думала, что это ближе.

— Вы еще не видите дома?

Марна была совсем рядом. Шагая по лужам, они поднимали фонтаны брызг. Мегрэ шел впереди, раздвигая кусты. Матильда сразу вслед за ним. И Люка замыкал шествие с невозмутимостью овчарки. Девушке стало страшно.

— Я ведь узнала мост и печь. Мы не могли ошибиться.

— Смотрите, огонь слева... — проворчал Мегрэ.

— Так и есть. Это там.

— Т-шш... Не шумите...

— Вы предполагаете...

Мегрэ неожиданно резко прервал ее:

— Я ничего не предполагаю. Я никогда ничего не предполагаю, мадемуазель.

Когда они подошли ближе к дому, он тихо сказал Люка:

— Подожди здесь с малышкой и не трогайся с места, пока не позову. Посмотрите-ка, Матильда, отсюда виден фасад. Узнаете его?

— Да, клянусь вам...

И тут же широкая спина Мегрэ заслонила от нее освещенное окно.»

Глава 4

Приют рыболовов

Матильда не преувеличивала, говоря, что место это подозрительное, более того — зловещее. Нечто вроде заброшенного тоннеля чернело вдоль дома с грязными окнами. Дверь была открыта, потому что начавшаяся гроза не принесла с собой прохлады.

Желтоватый свет падал на грязный пол. Мегрэ внезапно словно вынырнул из темноты. Фигура его, возникшая в проеме двери, выглядела необычайно внушительно. Коснувшись пальцами поля шляпы, он пробормотал, не вынимая трубки из рта: — Добрый вечер, господа, — сказал Мегрэ, не вынимая трубки из рта.

— Добрый вечер, господа.

За железным столом, на котором стояли бутылки виноградной водки и два граненых стакана, сидели двое мужчин. Один из них — чернявый, без пиджака — неторопливо поднял голову, чуть удивленно взглянул на Мегрэ и встал, подтягивая штаны.

— Добрый вечер...

Другой повернулся к вошедшему спиной. Наверняка это был не Жозеф Леруа. Человек был крепкого телосложения и одет в светло-серый костюм.

Странно, однако: несмотря на неожиданное вторжение, он даже не вздрогнул. Более того, он словно сжался. И было что-то неестественное в том, что этот человек не попытается узнать, кто же вошел.

Мегрэ приблизился к стойке. Вода стекала с него ручьями, на грязном полу появились темные лужи.

— Нет ли у вас свободной комнаты?

Хозяин медленно, явно стараясь оттянуть время, прошел за стойку и спросил в свою очередь:

— Налить вам чего-нибудь?

— Пожалуй. Я спрашиваю, есть ли у вас комната?

— К сожалению, нет... Вы пешком?

Наступила очередь Мегрэ не отвечать на вопрос:

— Рюмку водки.

— Мне показалось, что подъехал автомобиль?

— Возможно. Так есть у вас комната или нет?

Все это время он смотрел на спину в нескольких метрах от себя, столь

неподвижную, словно окаменевшую. Электричества здесь не было. Комнату освещала тусклая керосиновая лампа.

Если бы этот человек обернулся... Если бы его неподвижность не была такой упорной и нарочитой... Это беспокоило Мегрэ. Он быстро прикинул: если принять во внимание размеры кафе и кухни, то на втором этаже должны быть по крайней мере три комнаты. По виду хозяина, по тому беспорядку и запущенности, какие царили здесь, Мегрэ мог бы поклясться, что женщины в доме нет. А ему показалось, что он слышит шаги над головой.

— У нас сейчас много постояльцев?

— Никого. Разве что...

Он кивнул на человека, вернее, на его неподвижную спину.

И тут Мегрэ интуитивно почувствовал приближающуюся опасность. Надо было действовать быстро и наверняка. Он успел заметить, как рука человека потянулась к лампе. Мегрэ прыгнул вперед. Но было уже поздно. Лампа грохнулась на пол, зазвенели осколки, в комнате запахло керосином.

— Я был уверен, что знаю тебя, негодяй! Мегрэ удалось схватить человека за пиджак и вцепиться, как клещ, в противника, но тот, пытаясь вырваться, ударил его. Они боролись в полной темноте. Мегрэ не остался в долгу и бил кулаком наугад. А как поведет себя хозяин? Поможет ли он клиенту? Вдруг кто-то впился зубами ему в руку. Всей тяжестью своего тела он рухнул на противника, и они вдвоем покатались по полу, по осколкам стекла.

— Люка! — что есть сил крикнул Мегрэ. — Люка!

Противник был вооружен. В кармане его пиджака Мегрэ явственно ощущал тяжелый пистолет и старался помешать руке дотянуться до кармана.

Нет, хозяин не подавал признаков жизни. Может быть, он преспокойно стоял за стойкой.

— Люка!

— Я здесь, шеф!

Люка уже бежал к дому, хлюпая по лужам и повторяя:

— Стойте на месте. Слышите? Я запрещаю вам следовать за мной!

Это относилось, конечно, к Матильде, которая, вероятно, обезумела от страха.

— Если укусишь еще раз, скотина, я раскрою тебе череп. Понял?

Локтем Мегрэ придавил руку, тянувшуюся к револьверу. Противник был силен так же, как и он. Возможно, комиссар допустил ошибку, схватившись с ним один на один, да еще в темноте. Они зацепили стол, и

он опрокинулся на них.

— Сюда, Люка! Посвети фонарем.

— Сейчас, шеф.

Внезапно бледный луч фонарика выхватил из темноты переплетенные тела.

— Черт возьми! Николя! Вот так встреча...

— Я вас тоже сразу узнал. Еще по голосу.

— Ну-ка, Люка, помоги. Это опасный зверь. Тресни-ка его покрепче, чтоб успокоился. Бей! Не бойся. Он выдержит.

Люка размахнулся и ударил лежащего резиновой дубинкой по голове.

— Где наручники? Давай сюда! Если бы я знал, что встречу эту скотину здесь!.. Так. Теперь все в порядке. Можешь встать, Николя! Напрасно прикидываешься, что потерял сознание. Твой лоб выдержит и не такое... Хозяин!

Ему пришлось позвать вторично. И очень странно было услышать невозмутимый голос из темноты:

— Слушаю вас.

— У вас есть еще одна лампа или свечка?

— Сейчас принесу свечу. Посветите мне в кухне.

Мегрэ обернул платком руку, которую прокусил бандит. Кто-то всхлипывал у двери. Это была Матильда. Она не понимала, что происходит, и, возможно, думала, что комиссар боролся с Жозефом.

— Входите, деточка. Не бойтесь. Я думаю, что сейчас все закончится... А ты, Николя, сядь здесь и не вздумай шевелиться!

Оба револьвера — свой и бандита — он положил перед собой на стол. Вернулся хозяин со свечой. Вид у него был такой безмятежный, словно бы ничего и не произошло.

— А теперь, — сказал ему Мегрэ, — приведите ко мне парнишку.

Небольшое замешательство. Неужели он станет отрицать?

— Кому я сказал — приведите мальчишку! Живо!

Хозяин направился к двери.

— Трубка-то хоть у него?

Заливаясь слезами, девушка повторяла:

— Вы уверены, что он здесь и что с ним ничего не случилось?

Мегрэ молчал, прислушиваясь, что происходит наверху. Хозяин постучал в дверь. Потом заговорил вполголоса. Затем настойчивей. Можно было различить обрывки фраз:

— Это мосье из Парижа. С ними девушка. Вы можете открыть...

Матильда все всхлипывала:

— А вдруг они убили его?

Мегрэ пожал плечами и направился к лестнице.

— Смотри в оба, Люка. Ты ведь знаешь Николя, нашего старого приятеля? А я-то думал, что он еще в тюрьме Фрэн!

Он медленно поднялся по лестнице, отстранил хозяина от двери:

— Это я, Жозеф. Комиссар Мегрэ. Можешь открыть, мальчик.

И хозяину:

— Чего вы ждете? Спуститесь и налейте чего-нибудь девушке. Грога, что ли, — пусть успокоится... Ну-ка, Жозеф! Пошевеливайся!

Наконец ключ повернулся. Мегрэ толкнул дверь.

— Почему здесь нет света?

— Подождите. Я сейчас зажгу. Тут остался еще огрызок свечи.

Руки Жозефа дрожали. Лицо, освещенное пламенем свечи, было перекошено от страха.

— Он все еще внизу? — пролепетал он. И затем добавил бессвязно:

— Как вы меня нашли? Что они вам сказали? Кто эта девушка?

Деревенская комната, высокий потолок, разобранный комод, которым Жозеф пытался забаррикадировать дверь.

— Ну-с, куда вы их спрятали? — спросил Мегрэ с самым невозмутимым видом.

Жозеф ошалело посмотрел на него и понял: комиссар знает все. Торопливо порывшись в карманах брюк, юноша вытащил маленький пакетик, обернутый в газету.

Волосы у него были растрепаны, одежда помята. Комиссар машинально взглянул ему на ноги. Он был обут в нелепые домашние туфли.

— А где моя трубка?

На этот раз Жозеф чуть не расплакался: губы его растянулись в плаксивую гримасу. Мегрэ даже показалось, что он сейчас упадет на колени и станет просить прощения.

— Успокойтесь, молодой человек, — посоветовал он ему. — Внизу люди.

И с улыбкой взял трубку, которую парень протянул ему дрожащей рукой.

— Тсс... Матильда поднимается по лестнице. Ей не терпится, пока мы спустимся. Ну-ка, причешитесь.

Он взял графин, чтобы налить в умывальник воды, но графин был

пуст.

— Воды разве нет? — удивился комиссар.

— Я ее выпил.

Ну конечно же! Как он об этом не подумал? Бледное вытянувшееся лицо паренька, провалившиеся глаза...

— Давно вы не ели? — И, не обернувшись к Матильде, сказал:

— Выходите, деточка! Поверьте мне, ничего не случилось. Он вас очень любит. Иначе и быть не может. Но прежде всего ему нужно поесть.

Глава 5

Тайна исчезновения Жозефа

Теперь было приятно послушать, как хлещет по листьям дождь, приятно было вдохнуть через широко открытую дверь влажную ночную прохладу.

Несмотря на голод, Жозеф едва смог проглотить бутерброд с паштетом, приготовленный ему хозяином, — так он был потрясен. Его кадык все еще судорожно поднимался и опускался. Ну, а Мегрэ, выпив пару рюмок виноградной водки, с наслаждением потягивал свою любимую трубку.

— Видите ли, молодой человек, если бы вы не стащили мою трубку, я уверен: рано или поздно ваш труп нашли бы в камышах Марны. Трубка Мегрэ кое-что да значит.

Честное слово, Мегрэ произносил эти слова с удовольствием. Вся эта история льстила его самолюбию. У него украли трубку, как незаметно крадут карандаш у великого писателя, кисть у великого художника, носовой платок или какую-нибудь другую безделушку у кинозвезды.

Комиссар понял это сразу же. Застенчивый и нерешительный паренек стащил его трубку. И на следующую ночь исчез. А до этого он пытался уговорить свою мать не обращаться в полицию. Что же все это значит? А то, черт побери, что он сам хотел провести следствие. Потому что был уверен в себе! Потому что с трубкой Мегрэ во рту он возомнил... — Когда вы поняли, что таинственные посетители ищут в вашем доме бриллианты?

Жозеф хотел было приврать из тщеславия, но, глянув на Матильду, передумал:

— Я не знал, что это бриллианты. Но был уверен, что искали что-то очень маленькое, ведь рылись даже в коробках из-под лекарств.

— Что ты на это скажешь, Николя? А, Николя?

Тот, злобно уставившись взглядом прямо перед собой, сидел на стуле в углу, наручники сжимали его запястья.

— Когда ты убил Блюстейна в Ницце...

Никакой реакции. Ни один мускул не дрогнул на его костлявом лице.

— Ведь ты прикончил Блюстейна в «Негреско», потому что понял: тот обманывал тебя. Так? Значит, не желаешь говорить? Ладно, заговоришь потом. Что сказал тебе Блюстейн? Что спрятал бриллианты в доме на

набережной Берси?! И ты стал сомневаться — сумеешь ли их найти, ведь эти маленькие шутовинки очень легко спрятать. Вероятно, он указал тебе ложный тайник? Ну ладно. Я не спрашиваю тебя, откуда бриллианты. Мы узнаем это завтра, когда их осмотрят эксперты. На сей раз тебе не повезло. Тебя сцапали за старое дело. Что ты там натворил? Кажется, ограбление на бульваре Сен-Мартен? Ну как же! Ювелирный магазин! Раз уж на чем-то специализируешься... Верно ведь? Ты получил тогда три года. И вот уже три месяца, как, выйдя из тюрьмы, ты бродишь вокруг этого дома. У тебя был ключ, который Блюстейн сделал для себя. Ну? Будешь говорить? Что ж, как хочешь.

Молодые люди с удивлением смотрели на Мегрэ и не могли понять его неожиданно шутиwego тона: они ведь не знали обо всех треволнениях, которые он пережил за последние часы.

— Видишь ли, Жозеф... Смотри-ка, я уже обращаюсь к тебе на «ты». Все это просто. Какой-то незнакомец проникает в дом, где уже три года не было жильцов. Я тотчас же подумал, что это какой-нибудь тип, отбывший заключение. Ведь нельзя же болеть целых три года. Мне бы следовало проверить списки освобожденных из тюрьмы, и я бы тотчас наткнулся на нашего приятеля Николя... У тебя нет огонька, Люка? А теперь, Жозеф, расскажи, что произошло этой ночью.

— Я был уверен, что у нас припрятано что-то очень ценное. Возможно, целое состояние. И я решил отыскать...

— Но поскольку твоя мамаша обратилась ко мне, ты решил во что бы то ни стало найти клад этой ночью.

Жозеф кивнул головой.

— И чтобы тебе не помешали, ты подсыпал мамаше в настой какой-то чертовщины?

Он не отрицал.

— Мне так хотелось жить по-другому! — пролепетал он еле слышно.

— Ты спустился вниз в домашних туфлях. Почему же ты был уверен, что найдешь ценности именно этой ночью?

— Потому что, кроме столовой, я обыскал уже весь дом, разделив все комнаты на секторы. И убедился, что тайник может быть только в столовой.

Несмотря на усталость и унижительность положения, в глазах его блеснула гордость.

— И я нашел.

— Где?

— Возможно, вы обратили внимание в столовой на старую газовую проводку с горелками и поддельными свечами из фарфора? Не знаю уж, как

пришла мне в голову мысль отвинтить эти свечи. В них-то я и нашел какие-то твердые предметы, завернутые в клочок бумаги.

— Скажи-ка мне: отправляясь на поиски, ты уже знал, что будешь делать в случае удачи?

— Нет, не знал.

— Ты не собирался удирать?

— Нет. Ей-богу!

— Хотел перепрятать клад в другое место?

— Да.

— У себя в доме?

— Нет. Я ведь знал, что вы перевернете у нас все вверх дном. И наверняка найдете. Я бы спрятал клад в парикмахерской. Ну, а потом...

Николя криво усмехнулся.

— Итак, ты открыл тайну газовых горелок...

— Как раз в тот момент, когда я отвинчивал последнюю свечу, мне показалось, что рядом кто-то стоит. Сначала я подумал, что это мама, и погасил фонарик. Но это был мужчина, он шел прямо на меня. Испугавшись, я бросился к двери, выскочил на улицу и побежал. Я был в домашних туфлях, без галстука, без шапки. Я бежал и слышал, что за мной гонятся.

— Нелегко тебе было угнаться за таким быстроногим зайцем, а, Николя? — насмешливо спросил Мегрэ.

— У площади Бастилии я заметил полицейский патруль и зашагал вслед за ним, потому что был уверен: этот человек при них не нападет на меня. Так мы дошли до Восточного вокзала. И тут у меня мелькнула мысль...

— Удрать в Шелл? Приятные воспоминания, так, что ли? Ну, а потом?

— До пяти утра я проторчал в зале ожидания. Там было много народа. А пока вокруг люди...

— Ясно.

— Но я не знал, кто меня преследует. Я поочередно разглядывал всех. Когда открыли кассу, я протиснулся между двумя женщинами и тихо спросил билет. В это время сразу отходило несколько составов. Я переходил из поезда в поезд, перебирался через пути.

— Парень, видно, доставил тебе хлопот даже больше, чем мне, а, Николя?

— Он не мог знать, до какой станции я взял билет. А в Шелле я спрыгнул, когда поезд уже тронулся.

— Что ж, неплохо. Совсем неплохо!

— И поскорее выскочил из вокзала. На улице — никого. Я снова побежал, никто меня не преследовал. Вот так я очутился здесь и сразу спросил комнату, у меня уже не было сил... Мне хотелось скорее припрятать... Рассказывая, он весь дрожал.

— Мама никогда не давала мне много карманных денег, и, поднявшись в комнату, я нашел у себя в кармане всего пятнадцать франков и несколько телефонных жетонов. Мне хотелось вернуться домой, прежде чем мама... — И тут появился Николя.

— Я заметил его в окно. Он выходил из машины... Я сразу же понял, что он доехал до Ланьи и взял там такси. Но только в Шелле он снова напал на мой след. Я тут же заперся на ключ, а затем, услышав на лестнице шаги, придвинул к двери комод. Я уже не сомневался, что он убьет меня.

— И глазом не моргнул бы! — заметил Мегрэ. — Но он боялся разоблачить себя: мешал хозяин. Так ведь, Николя? Он обосновался здесь, полагая, что рано или поздно ты выйдешь из комнаты. Ну хотя бы поесть..

— Я ничего не ел. Я очень боялся, что ночью он приставит лестницу и взлезет ко мне через окно. Поэтому я запер ставни и старался не спать.

Мегрэ осторожно выбил трубку о каблук, снова набил, поглаживая ее с явным удовольствием.

— Ну, если б тебя угораздило сломать ее... — буркнул он. И добавил другим уже тоном:

— Что ж, дети, пора в путь!.. Жозеф, а что ты скажешь матери?

— Не знаю. Боюсь даже подумать.

— Да полно тебе. Скажи, что ты спустился в столовую, вообразив себя детективом, увидел там незнакомца, выходившего из вашего дома. И, гордясь мыслью, что ты настоящий сыщик, пошел за ним следом.

Тут Николя впервые раскрыл рот и презрительно бросил:

— Уж не думаете ли вы и меня втянуть в эту игру?

— А мы сейчас это выясним, — невозмутимо ответит Мегрэ. — С глазу на глаз, в моем кабинете... Ну что ж, поехали?

Немного позже он шептал на ухо Жозефу, задвинутому вместе с Матильдой в самый угол сиденья:

— Я подарю тебе другую трубку. Идет? И, если хочешь, даже больше этой.

— Но она не будет вашей, — ответил паренек.